

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340.114.5
ББК 67.05

МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ЮРИДИЧЕСКОЙ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Н.Н. Воппенко

В статье рассматриваются основные элементы, определяющие формирование представлений о юридической справедливости. Особое внимание уделяется оценочным, рациональным и нормативным средствам обеспечения справедливости в юридической деятельности.

Ключевые слова: справедливость, оценка, легитимность, нравственность, законность.

В научной литературе иногда встречается мнение об отсутствии четких и устойчивых критериев понятия справедливости, что позволяет сомневаться в перспективности его использования. Так, по мнению А. Ашкерова: «Справедливость невозможно зафиксировать, она наблюдается не как особый объект, поверяющий нам свои тайны, а как ускользающая сингулярность: уникальная ситуация взаимоотношений или форма взаимодействия» [2, с. 33]. Тем более это относится к юридической справедливости, метаморфозы которой в границах законного, легитимного и нравственно-оценочного столь подвижны, что создают многообразные трудности познавательной и квалификационной деятельности. Согласовать и примирить разнообразные человеческие интересы в сфере права путем ориентирования их на идеалы и требования справедливости – задача чрезвычайной сложности. Отсюда возникает не-

обходимость теоретической разработки понятия механизма формирования юридической справедливости.

Термин «механизм» в правовой науке используется для обозначения сложного, последовательного и упорядоченного действия каких-либо правовых средств, определяющих необходимое наступление юридически значимых последствий. В этом смысле употребляются понятия: «механизм действия права», «механизм осуществления субъективных прав и обязанностей», «механизм правового регулирования», «механизм обеспечения законности» и т. д. За этим стоит стремление выявить и проследить закономерный характер процессов правового регулирования. Вместе с тем следует помнить, что действие элементов механизма в социальной сфере не может быть столь жестким и неотвратимым, как это имеет место в области механики или физики, откуда заимствовано это понятие. Поэтому механизм действия каких-либо правовых средств лишь показывает и высвечивает общую тенденцию взаимодействия не-

ких элементов, существенно влияющих на конечный результат. И, тем не менее, ценность механизменного рассмотрения процесса правового регулирования с гносеологической точки зрения не подлежит сомнению, ибо позволяет акцентировать внимание на системном характере правовых средств, обеспечивающих эффект гарантированного результата и позволяющих выявить недостающие или слабо действующие элементы и связи взаимодействия.

С учетом высказанных предварительных замечаний применительно к нашей задаче речь должна идти не столько о механизме действия, сколько о механизме формирования юридической справедливости как особого качественного состояния правового регулирования. Дело в том, что действие юридической справедливости вполне предсказуемо и выражается в стабилизации, обосновании и закреплении в сознании людей образа объективно необходимого варианта правового регулирования. Это и есть легитимизация действующего в обществе права в виде придания ему нравственно оправданного облика. Очевидно, что вся проблема юридической справедливости состоит в путях и средствах ее формирования, ибо облагораживающее ее действие не подлежит сомнению. Прав в этом смысле В.П. Малахов, подметивший, что справедливость высвечивает общественный порядок как гармонию и, тем самым, духовно освещает его [18, с. 210].

Думается, что исходным пунктом познания природы механизма формирования юридической справедливости является представление о **его оценочно-нормативном характере**. Рационально-чувственный облик справедливого в сфере права складывается на основе заинтересованного отношения индивидов и социальных групп к правовым идеям, практике правотворчества и реализации правовых норм. Формирующиеся при этом социальные притязания, будучи идейно-психологическим продуктом осознания людьми жизненных ситуаций, порождают требования, предъявляемые к обществу и государству [23, с. 12]. В основе социальных притязаний находятся индивидуальные и групповые интересы как психические побуждения к оценочно-нормативной дея-

тельности. Оценить правовую ситуацию означает соизмерить ее с какими-то институционализированными интересами, выявить ее нравственно-экономическую, политическую, правовую и т. д. ценность и, таким образом, установить соответствующую мировоззрению субъекта социальную «цену», значимость объекта оценки. Доминантой нравственно-правового оценивания какого-либо явления выступает соизмерение его с идеалами добра, справедливости и, вместе с тем, законности. Ценностное отношение субъекта формируется на основе поиска компромисса между этими критериями, установления их совместимости. Складывающееся при этом оценочное отношение, как отмечается в науке, включает в себя субъект, объект и основание оценки [13, с. 21; 16, с. 17]. Думается, необходимо выделить в структуре данного отношения также и **стандарт**, или **идеал**, **оценки**. Центральным элементом формулирующегося оценочного отношения выступает основание оценки в виде жизненного опыта, аккумулирующего в себе интересы общества, социальных групп и личностей как субъектов оценочно-познавательной и преобразующей деятельности. Складывающийся при этом образ справедливого и несправедливого в сфере права является результатом заинтересованного отношения к объектам оценки. Это означает, что ценностные предпочтения субъектов в виде их ориентаций определяют выбор средств оценочной деятельности и связь с существующими идеалами. Идеал юридически справедливого созвучен достижению истины как нравственно-правового совершенства в регулировании общественных отношений посредством оптимального достижения поставленной цели. По образному выражению В. Вольнова: «Идеалы – словно звезды на небе, которых нельзя достигнуть, но без которых древность не знала бы мореплавания» [7, с. 245]. В сфере права идеал справедливости также труднодостижим, как и в других областях человеческой жизнедеятельности, но он зовет и побуждает к поиску и выбору совершенного, истинного и нравственно безупречного варианта правового регулирования, основанного на идеях свободы, равенства, соразмер-

ности и пропорционального воздаяния каждому в соответствии с его вкладом в общественную жизнь. Отсюда, стандарты справедливого живут в сознании людей как образцы идеальных результатов деятельности, не противоречащие индивидуальному и общественному сознанию и находящие поддержку в общественном мнении.

Идеал в праве выглядит как некая институционализируемая идея, содержащая в себе основополагающий принцип познания и деятельности, обладающий повышенной степенью социальной ценности, практической значимости. Юридическая справедливость в полной мере характеризуется данными чертами, а связь с истиной, подлинностью права повышает ее в системе правовых идей, приобретая тем самым качества **результатирующего идеала**. Действительно, такие принципы права, как законность, обоснованность, гуманизм, целесообразность в юридической деятельности, обладая собственной ценностью, воплощаются в идеале правовой справедливости в качестве ее составляющих элементов. Следовательно, нельзя достигнуть справедливости в сфере права не соблюдая названные принципы.

Познавательная-ценностная работа сознания субъекта, ориентированная на идеал юридической справедливости, выражается в признании безусловной полезности правовой нормы, акта или отношения, в которых закрепляется результат правового регулирования и одобряемости их как истинных, оправданных в данной ситуации. Но это идеальный вариант идентификации собственных интересов и стандарта справедливости. В реальной же жизни можно выделить три основных вида таких оценок:

1. Субъект видит в объекте нравственно-правовой оценки воплощение юридической справедливости и солидарен с ней.

2. Субъект рассматривает правовую ситуацию в виде нормы, акта или отношения как несправедливую и требующую восстановления поправленной юридической справедливости.

3. Правовая ситуация оценивается в качестве частично справедливой, а в отдельных элементах – несправедливой и нуждающейся в исправлении путем совершенствования нравственно-правового регулирования.

Если в первом варианте оценки правового регулирования через призму его соотношения с идеалом юридической справедливости все противоречия объекта оценки сняты, то во втором они антагонистически обострены и требуют восстановления нравственно-правового баланса. Что же касается третьего варианта оценки в виде признания частичной, неполной справедливости, то следует признать, что это довольно распространенный результат оценочного отношения людей к действующему праву. И причины такого положения заключаются не только в извечном субъективизме человеческих интересов, но и в имманентно свойственном праву формализму, постоянно вступающему в противоречие с повышенной социальной чувствительностью нравственного сознания и его требований.

Формирование оценочных представлений о юридической справедливости имеет изначальную нравственную природу, ибо «каждая оценка прямо или косвенно носит моральный характер» [6, с. 29]. «Любая моральная оценка и ориентация немислимы без явного или подразумеваемого членения на “добро” и “зло”» [25, с. 161]. Отсюда, в осознании субъектом справедливости или несправедливости жизненной ситуации используются такие элементы контрольно-психологического механизма формирования оценочного отношения, как совесть, стыд, моральный долг, ответственность. Совесть – это величайший творец и цензор в формировании субъективных представлений о справедливости как собственного поведения, так и поведения других лиц. Она есть понимание личностью и чувство ее моральной ответственности за свое поведение перед другими людьми на основе самооценки, волевого самоконтроля своих поступков, мыслей и чувств с точки зрения нравственных норм и принципов [3, с. 44]. Совесть является глубинным интуитивно-чувственным механизмом нравственного самоконтроля личности, своеобразным внутренним судьей помыслов и поступков человека. Она порождает чувство стыда, то есть субъективного переживания вины и ответственности за свое поведение и отношение к социально значимым явлениям жизни. Значение

совести и стыда в распознавании границ и меры справедливого во взаимоотношениях между людьми состоит в том, что они способны формированию рационально воспринимаемого морального долга в виде разумно осознанной обязанности личности подчиниться нравственным требованиям, сообразовать с ними свое поведение. Применительно к юридической справедливости совесть, стыд, долг, ответственность выступают важнейшими понятиями и элементами нравственно-правового сознания, составляющего идейно-психологическую среду, в которой формируются представления о справедливости и несправедливости. Слитность и нерасчленяемость морального и юридического аспектов правового сознания позволяет использовать категории совести, стыда, долга и ответственности в качестве основных элементов формирования чувственно-рационального образа представлений о справедливости в сфере права. Но здесь к ним присоединяется еще и **чувство законности**, опосредующее и ориентирующее оценочную работу сугубо нравственных элементов. Оно привносит в оценочную деятельность сознания субъекта дополнительный критерий оценки в виде ориентации на требование правомерности. Будучи разновидностью правовых чувств, которыми обладают индивиды и социальные общности, чувство законности представляет собой установку правового характера, основанную на общепризнанных идеалах добра и справедливости и состоящую из двух компонентов: интуитивного (естественно-правового) в виде правовой совести и официального (позитивно-правового), имеющего ориентацию на закон [24, с. 6]. Содержательно чувство законности сродни нравственно-правовой совести в виде интуитивных представлений личности о морально-правовых границах дозволенного и рационально обоснованной ориентации на законопослушный вариант поведения. В сформированном и развитом у личности чувстве законности интуиция подобно «внутреннему голосу» подсказывает, а рационально аргументированная привычка — управляет в ситуации выбора варианта поведения [8, с. 15–16].

Значение сформировавшейся в сознании субъекта оценки правовой ситуации зак-

лючается в том, что она не только содержит в себе образ справедливого и (или) несправедливого, но и прогнозирует к нему установочное отношение. Представления о степени справедливости зовут, побуждают, ориентируют, определяют программу деятельности. Предельно общий характер оценки в виде одобрения или осуждения, принятия или игнорирования соответствующей нормативной ситуации дополняется поисками формально определенных критериев определения и аргументации отношения к праву. Так из оценки вырастает нормативный образ представлений о справедливом. Разумеется, в реальной действительности соотношение оценочности и нормативности в познавательной деятельности более диалектично и взаимосвязано. Оценка может вырастать из конкретной нормативной ситуации и, вместе с тем, предшествовать ей как оправдание желаемого образа социального регулирования. Поэтому разграничение оценочности и нормативности допустимо преимущественно из методологических и познавательных соображений. И тем не менее, оценка в сфере права по своей природе и формам выражения в значительной мере имеет интуитивно-чувственный, правосознательный характер, в то время как нормативность есть продукт формальной определенности. Чем выше уровень или степень формальной определенности речевых суждений, тем более возрастает их нормативный характер. При этом следует различать два вида нормативности: *оценочно-познавательную* и *регулятивную*. Первая выражается в возможности речевого, вербального воздействия актов межличностного взаимодействия на участвующих в этих процессах субъектов. Это по преимуществу общеидеологическое, воспитательное влияние устной и письменной речи на человеческое поведение посредством формулирования общих рекомендаций и идеалов, не подкрепленных формальными требованиями и санкциями за их неисполнение. В этом смысле любая речь нормативна, ибо способна оказывать влияние на человеческое поведение. Именно в этом аспекте можно согласиться с А.С. Александровым в том, что «Нормативность производна от грамматичности, истинность — от риторичности» [1, с. 16].

Оценочно-познавательная нормативность представлений о справедливом и несправедливом выражается в постановке предельно общих задач и ориентиров жизнедеятельности в виде: будь справедливым, ибо несправедливость безнравственна и предосудительна. Она воплощается в общих принципах морали и права, основывающихся на нравственном идеале, но не получивших конкретных регулятивных форм своего закрепления в нормах действующего законодательства. Весьма существенную роль в формировании образа познавательного-оценочной справедливости играет правовая наука, исследующая пути и средства законной и вместе с тем нравственно обоснованной деятельности. Ее рекомендации, выработанные на основе выполненных исследований, создают наиболее полный и текстуально осязаемый оценочный образ справедливого в сфере права. Однако следует признать, что познавательные-оценочные разработки науки в области теории юридической справедливости не имеют регулятивно-нормативного значения, в противном случае правовая сфера общественного бытия уже давно была бы «царством реализованной справедливости». Отсюда, возникает необходимость познания закономерностей формирования нормативного образа правовой справедливости.

Регулятивная нормативность представлений о справедливости складывается на основе принципов и норм права, а также практики их осуществления в общественной жизни. К сожалению, Конституция РФ 1993 г. использует термин «справедливость» только в преамбуле, говоря о «вере в добро и справедливость» как ориентире социального развития. Конкретные же статьи Конституции не содержат закрепления данного правового принципа в качестве идеала, на достижение которого обязаны ориентироваться все субъекты политико-правовой системы. Думается, что ст. 7 Конституции, устанавливающая, что Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, нуждается в дополнении. Достойная жизнь – понятие чрезмерно расплывчатое и должно быть конкретизировано через запы-

тую термином «справедливая» жизнь. Можно также подумать о закреплении идеала справедливости в гл. 2 Конституции, устанавливающей систему прав и свобод человека и гражданина.

Более конкретно образ представлений о юридической справедливости складывается на основе анализа норм отраслевого законодательства. Принцип справедливости особо закреплён в ст. 6 УК РФ как требование соответствия наказания и иных уголовно-правовых мер характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного. Особо выделено требование недопустимости двойной или повторной ответственности за одно и то же преступление. В Уголовно-процессуальном кодексе РФ принцип справедливости закрепляется только применительно к требованиям, предъявляемым к приговору в ст. 297, наряду с законностью и обоснованностью, но отсутствует в числе основных принципов судопроизводства. Более «повезло» принципу справедливости в Трудовом кодексе РФ где он упоминается в системе общих принципов регулирования трудовых отношений применительно к необходимости установления справедливых условий труда и справедливой заработной платы (ст. 2). Совершенно явно «не повезло» принципу справедливости в гражданско-процессуальном и административном законодательстве, где о нем напоминают лишь требования законности и обоснованности принимаемых судом решений. Удивительно, но аналогично не уделяется внимание справедливости и в нормах Гражданского Кодекса РФ. Закономерен вопрос о том, почему сложилась такая ситуация недостаточного внимания к принципу справедливости в профилирующих отраслях системы российского законодательства. Тем более что речь идет о правовом регулировании имущественных и связанных с ними личных и бытовых, неимущественного характера общественных отношениях, в которых наиболее часто приходится участвовать гражданам и где представления о справедливом и несправедливом сопровождают человеческое поведение повсеместно. Никто также не гарантирован от участия в административно-

правовом разбирательстве проступка в виде перехода улицы в неполюженном месте и т. д. Казалось бы, именно гражданская и административная сферы общественной жизни в их правовом опосредовании являются наиболее социально восприимчивыми к требованиям нравственно-правовой справедливости, но российский законодатель почему-то то ли «боится», то ли не умеет юридически грамотно и профессионально выразить и закрепить в действующем законодательстве основные контуры образа справедливого. Действительно, такие трудности имеются. И в литературе встречаются сетования на то, что слишком уже расплывчатым и трудно уловимым, к тому же и дискуссионным, выглядит образ справедливого в сфере права. Имеется и опасение, что закрепление идеи, принципа и конкретных требований справедливости в действующем законодательстве может привести к увеличению жалоб, случаев оспаривания актов правосудия и иных правоприменительных решений на том основании, что у каждого «свое представление о справедливости». Возможно, что за этим стоит и достаточно давнее отечественное недоумение, о порою и игнорирование проблемы реального осуществления прав и свобод человека и гражданина.

Оценивая в целом эту ситуацию, можно сказать, игнорирования юридического закрепления образа, идеи и конкретных требований справедливости в области позитивного права, следует выделить два средства исправления такого положения. Это, во-первых, осознание всем обществом и особенно профессиональными юристами исключительно высокой социальной ценности идеи и юридически закрепленных требований справедливости. Ничто не обходится так дорого обществу, как несправедливое законодательство и его несправедливая реализация. И, во-вторых, серьезная профессиональная разработка юридической техники воплощения конкретных требований справедливости в нормах, институтах и отраслях российского права. У нас немало теоретических наработок в области понятия, содержания и видов юридической техники. Очевидно, настала пора выработки конкретных способов закрепления в действующем

законодательстве технических приемов и средств, обеспечивающих непосредственное и неотвратимое действие фундаментальных идей правового регулирования, подобных справедливости. Сложность понимания и проявления нормативных свойств справедливости в праве, на наш взгляд, состоит в том, что она имеет две основных формы своего закрепления в действующем законодательстве: **имплицитное** или опосредственное и конкретное, или **нормативно-регулятивное**. В первом случае справедливость проявляется через действие других принципов, высвечивающих и конкретизирующих отдельные грани, стороны, аспекты нравственно-правового регулирования. Такое значение имеют принципы достоинства личности, гуманизма, равенства перед законом и судом, презумпции невиновности, обоснованности судебных решений и т. д., несоблюдение которых на практике означает одновременно нарушение требований юридической справедливости. В этом смысле идея справедливости, конечно же, опосредованно, через названные принципы, представлена в большинстве отраслей российского законодательства. Но ее отдельные аспекты проявления в иных принципах будут более весомыми и авторитетными при особом самостоятельном закреплении. Это наводит на мысль о существовании иерархии в системе принципов права и их взаимообслуживании. По мнению О.В. Мартышина, всеобъемлющий принцип справедливости, тесно связанный с идеей общего блага, претендует на высшую ступень в иерархии ценностей [19, с. 4]. Эту же мысль высказывает и О.И. Цибулевская [26, с. 184].

Нормативно-регулятивное выражение справедливости в действующем законодательстве выглядит как формулирование в отдельных статьях и нормах позитивного права конкретных требований справедливой деятельности. В подобных случаях употребляется сам термин «справедливость», а иногда, хотя и, к сожалению, редко, формулируются ее конкретные регулятивные требования. Примером может быть ст. 6 УК РФ, закрепляющая самостоятельность принципа справедливости и устанавливающая требования соразмерности наказания характеру и

степени общественной опасности преступления, а также недопустимость повторной ответственности за одно и то же преступление. Аналогичное значение имеет ст. 297 УПК РФ, закрепляющая требования законности, обоснованности и справедливости, предъявляемые к судебному приговору, и ст. 383 УПК РФ, определяющая критерии несправедливого приговора в качестве оснований к его отмене или изменению. Приходится констатировать, что гражданское и административное законодательство не содержит в своих нормах конкретных требований рассмотрения и разрешения юридических дел в соответствии с явно выраженными критериями справедливости. И это снижает социальную чувствительность практически всего отечественного законодательства. Думается, что нет никаких оснований полагать, что законодатель не заинтересован в том, чтобы судопроизводство и иные формы правоприменительной деятельности не основывались на принципе справедливости. Следовательно, проблема его законодательного закрепления, очевидно, состоит в неразработанности общей универсальной формулы справедливости, удобной и пригодной для конкретизации в виде определенных требований применительно к отдельным отраслям законодательства. И это требует от правовой науки доктринального решения данной проблемы.

Все это свидетельствует о том, что и познавательно-оценочный, и нормативно-регулятивный образы представлений о юридической справедливости оптимально могут и должны формулироваться юриспруденцией на основе этико-философских разработок. В этой связи хотелось бы предостеречь против встречающихся иногда в науке попыток развести, разграничить справедливость и право в их совместном регулировании общественных отношений. Так, на наш взгляд, поступает И.В. Илиев, по мнению которого «Право дает меру, а справедливость контролирует ее, предъявляя определенные требования. Однако справедливость не мера, а только ее свойство, которое достраивает право, вместе они регулируют общественные отношения» [17, с. 95]. Вместе с тем, думается, что соотношение данных явлений еще сложнее. Справедливость составляет идейно-теоретическую основу пра-

ва, в соответствии с которой строится система любого национального законодательства и формируется соответствующая система права. Как отмечал Г.Д. Гурвич: «Настоящее призвание идеи справедливости состоит в том, чтобы служить сущностной основой любого общего определения права» [10, с. 293]. Следовательно, выполняя правосозидательную функцию по отношению к праву, справедливость своими конкретно-историческими требованиями пронизывает его структуру, одновременно выступая критерием отношения к нему, а также принципом и идеалом. Поэтому справедливость сообщает праву не только меру нравственно-правовой оценки и измерения человеческого поведения, но и, при закреплении в действующем законодательстве своих требований, механизм осуществления своего идеала. Этим как раз и объясняется важность правотворческого выражения идеи и отдельных сторон, граней справедливости в праве.

Современные представления об универсальной логической формуле справедливости основываются на учении Аристотеля об уравнивающем и распределяющем ее аспектах и «золотом правиле» этического поведения, определяющего выбор между добром и злом. Конкретизируя содержание справедливости, В.Е. Давидович выделяет три основных элемента: **ценности**, ее обосновывающие; **правила**, которые ее выражают; и **действия**, которые ее реализуют [12, с. 34]. Очевидно, что среди системы ценностей, обосновывающих бытие справедливости, ближе всего к ней находятся идеи свободы и общего блага. Однако их регулятивный потенциал в обеспечении справедливого поведения невысок, ибо они сами нуждаются в нормативном выражении. Более значимо для познания регулятивного образа справедливости выделение в ней правил, выражающих ее требования, и действия, в которых эти требования реализуются. Так, к правилам, определяющим справедливое поведение, можно отнести принципы равенства, гуманизма, истинности и обоснованности принимаемых решений, пропорциональности воздаяния и соразмерности затрат и потребления. Действия, в которых реализуются требования справедливости, выглядят как способы их охраны, защиты и обеспечения, среди которых особая роль принадлежит правосудию.

В этической литературе при определении понятия справедливости акцент делается на **мере**, которую она дает в процессах **воздаяния** и **требования** прав и благ личности и социальной общности, а также **правомерности оценки** человеческого поведения [4, с. 65]. Мера справедливости означает гармоническое сочетание количественных и качественных характеристик регулирования и оценки социальных явлений, устанавливающее предел, за которым начинается несправедливость. Она через количественно-качественную характеристику объекта позволяет выявить его оптимально истинное и гармоничное состояние. Универсальным средством установления меры и измерения в социальной сфере является выработка и реализация правил общественного поведения и, в первую очередь, норм морали и права. Справедливость, таким образом, предстает оптимальным свойством и результатом нравственно-правового регулирования, основанного на гармоничном сочетании некоей меры количества и качества в предъявляемых и реализованных требованиях к распределению и воздаянию социальных благ, прав и обязанностей, а также оценке правильности их осуществления. Как верно заметил В.П. Малахов: «Мера, с которой связана мысль о правовой справедливости, реальна в том смысле, что она повсеместно доступна осуществлению во множестве однотипных правовых ситуаций, а также в том смысле, что она “прозрачна” для рациональной мысли и облечена в определенную, известную и признанную форму» [18, с. 211].

Идея о том, что требования воздаяния и эквивалентности во взаимоотношениях между людьми составляют основу смыслового ядра в понятии справедливости, все больше получает признание в современной научной мысли. Так, А.И. Гусейнов называет в числе основных принципов универсальной справедливости: а) требование равенства (действовать одинаково в одинаковых условиях); б) идею взаимосвязи содеянного и воздаяния за него («золотое правило нравственности»); в) требование равновесия между утратой и потреблением (справедливость обмена) [11, с. 18]. Включение автором требования равенства как необходимого принципа справедливости выглядит вполне умест-

ным, однако его следует акцентировать на равенстве прав и обязанностей субъектов и возможности равной их защиты перед судом. Действовать одинаково в одинаковых условиях могут только люди, обладающие равными нравственно-правовыми статусами. Юридическая справедливость, как заметил И.А. Иванников, выражается в одинаковом применении закона к каждому [15, с. 63].

Обобщая имеющиеся в науке мнения о понятии юридической справедливости, следует признать, что ее смысловое ядро образуют требования **воздаяния** и **распределения** материальных и духовных благ и признания **равенства** субъектов в системе правовых отношений, равного их притязания на осуществление прав и обязанностей. Эта триада, на наш взгляд, образует **систему основных признаков** справедливости в сфере права, наряду с которыми следует выделять еще и **принципы**. Если признаки образуют набор, или необходимый состав, элементов, в совокупности образующих качество справедливости и ответственных за соблюдение ее меры, то принципы актуализируют и раскрывают отдельные грани, аспекты конкретизации справедливой деятельности в определенных сферах правовой жизни. Признаки организуют внутреннюю логику познавательно-оценочного процесса, а принципы управляют деятельностью в определенных юридических ситуациях. Такое значение имеют закрепленные в отдельных отраслях законодательства принципы достоинства личности, гуманизм, законность и обоснованность, принцип вины, презумпция невиновности, правосудие, состязательность и равноправие сторон и т. д. Их связь с идеей справедливости определяется нравственной насыщенностью содержания каждого принципа. Они являются продуктами совместного нравственно-правового регулирования, и нарушение юридического требования, закрепленного в принципе, одновременно является нравственно упречным поступком, осуждаемым моральным сознанием. А поскольку справедливость выступает центральной идеей нравственности, подавляющее большинство юридически значимых актов человеческого поведения в сфере права в той или иной мере оцениваются через призму справедливости.

Думается, не должно смущать то обстоятельно, что идея равенства, относящаяся к системе основных признаков юридической справедливости, закрепляется в отраслевом законодательстве в качестве правового принципа. Слишком уж велико и социально осязаемо значение этой идеи в жизни общества. Еще М. Монтень четко заметил, что равенство есть первый шаг к справедливости [20, с. 93]. Следует полагать, что чем чаще и конкретнее внутренние свойства справедливости будут получать свое закрепление в действующем законодательстве в качестве принципов, тем больше создается условий технико-юридического характера для осуществления правовой справедливости. В общей теории права называются три варианта возможного выражения принципов права в статьях и нормах законодательства: а) нормы, содержащие наименование принципов; б) нормы, содержащие краткое описание принципов права; в) нормы, закрепляющие в своем тексте их конкретное содержание [22, с. 134]. Все эти варианты выражения принципа справедливости просматриваются в правотворческой практике российского законодательства. Наибольшую ценность для юридической практики представляют статьи и нормы, конкретизирующие содержание и требования юридической справедливости, например, ст. 6 УК РФ. Они выглядят наиболее законодательно подготовленными для практической реализации. Назначение принципов, в которых конкретизируется идея справедливости, состоит в обеспечении ее регулятивного эффекта посредством формулирования в действующем законодательстве, пусть и не всегда четко нормативно выраженных и в значительной степени оценочных, требований. Они оказывают свое влияние на юридическую деятельность субъектов преимущественно в качестве опорных пунктов правосознания. Однако, как известно, они являются основаниями к отмене или изменению правоприменительных решений и, тем самым, юридическим средством восстановления нарушенной справедливости.

Как признаки, так и принципы юридической справедливости выступают основой рационально формируемых представлений о

ее основных чертах. Однако без качеств законности и легитимности ее образ выглядит неполным. Отсюда необходимость анализа действий субъектов, в которых реализуются идея и конкретные требования справедливого поведения в сфере права. Исследователи этой проблемы отмечают, что законность как требование правомерного поведения является неременным условием представлений о справедливости действий субъектов. «Обладать качеством юридической справедливости – это значит быть законным, наоборот, тот, кто нарушает законность, не соблюдает нормы права, тот действует вопреки юридической справедливости» [5, с. 73]. Многообразие условий общественной жизни не исключает возможности противоречий законности и справедливости в отдельных нравственно-правовых ситуациях, но это те случаи, когда они лишь шлифуют общее правило, возводя его в закономерность. Законность дает внешнюю форму бытия справедливости, сообщает ей качество государственной обязательности. Она формально организует в соответствии с правовыми предписаниями действие требований воздаяния, а также распределения и закрепляет юридическими средствами их нравственное значение. Тем самым, складывается единство нравственно-правовой оценки правомерного поведения субъектов. Законность с нравственных позиций – «это юридическая форма выражения идей справедливости, порядка, свободы» [21, с. 421].

В свою очередь, справедливость нравственно оправдывает и упрочивает законность, сообщает качество легитимности. Понятие легитимности достаточно сложное и многофункциональное, но его «сердцевину» составляет признание населением страны законности и справедливости действий органов государственной власти и нравственная поддержка их повседневного функционирования. Ключевыми признаками легитимности являются авторитет власти, согласие и поддержка населением, справедливость властвования, предположение об истинности и справедливости существующей правовой политики и практики [9, с. 53, 103]. Все это свидетельствует, что формирующиеся в сознании представления о законности и легитимности су-

шествующего правопорядка, с одной стороны, основываются на предположениях о его справедливости, а с другой – являются средствами обоснования его нравственного облика. Законность и легитимность в качестве оценок многообразных процессов распределения и воздания на началах равенства в системе правовых отношений позволяют высвечивать и идентифицировать акты юридической справедливости. Нравственные оценки соизмеряются с юридическими и закрепляются ими, а правовые «просвечиваются» через призму соответствия требованиям морали.

Обобщая изложенное, следует отметить, что механизм формирования образа юридической справедливости – достаточно сложное явление, включающее в себя систему чувственных, оценочных, рациональных и нормативных элементов, посредством которых раскрываются черты законного, нравственно оправданного и легитимного регулирования поведения в сфере права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров, А. С. Введение в судебную лингвистику / А. С. Александров. – Н. Новгород : Изд-во Нижегород. акад. МВД России, 1998. – 417 с.
2. Ашкеров, А. По справедливости: эссе о партийности бытия / А. Ашкеров. – М. : Европа, 2008. – 243 с.
3. Бербешкина, З. А. Совесть как этическая категория / З. А. Бербешкина. – М. : Высш. шк., 1986. – 103 с.
4. Бербешкина, З. А. Проблема справедливости в марксистско-ленинской этике / З. А. Бербешкина. – М. : Высш. шк., 1974. – 160 с.
5. Булгаков, В. В. Принцип справедливости в праве / В. В. Булгаков // Вопросы теории государства и права. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2004. – 650 с.
6. Волкогонов, Д. А. Моральные конфликты и способы их разрешения / Д. А. Волкогонов. – М. : Знание, 1974. – 64 с.
7. Вольнов, В. Феноменология / В. Вольнов. – СПб. : Алетейя, 2008. – 303 с.
8. Вопленко, Н. Н. Законность и правовой порядок / Н. Н. Вопленко. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2006. – 135 с.
9. Вопленко, Н. Н. О легитимности власти и права / Н. Н. Вопленко // Механизм исполнитель-
- ной власти в Российской Федерации. – Волгоград : ВФ МИЭПП, 1994. – 126 с.
10. Гурвич, Г. Д. Философия и социология права : избр. соч. / Г. Д. Гурвич. – СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. – 848 с.
11. Гусейнов, А. И. Проблема ценностей права / А. И. Гусейнов // Право и политика. – 2007. – № 7. – С. 14–22.
12. Давидович, В. Е. Социальная справедливость: идеал и принцип деятельности / В. Е. Давидович. – М. : Изд-во полит. лит., 1989. – 255 с.
13. Демидов, Ю. А. Социальная ценность и оценка в уголовном праве / Ю. А. Демидов. – М. : Юрид. лит., 1975. – 183 с.
14. Злоупотребления публичной властью и антикоррупционная политика в современной России / Т. П. Агафонов, И. А. Гдалевич, А. Ю. Мамычев, А. Ю. Мордовцев. – М. : Юрлитинформ, 2011. – 432 с.
15. Иванников, И. А. Государственная власть и справедливость в России: пути модернизации государства и права / И. А. Иванников. – Ростов н/Д : Изд-во Юж. федер. ун-та, 2009. – 119 с.
16. Ивин, А. А. Основания логики оценок / А. А. Ивин. – М. : Изд-во МГУ, 1970. – 230 с.
17. Илиев, И. В. Нравственные основания государства и права / И. В. Илиев // Государство и право. – М., 2005. – № 8. – С. 94–95.
18. Малахов, В. П. Философия права / В. П. Малахов. – М. : Деловая книга, 2002. – 447 с.
19. Мартышин, О. В. Проблема ценностей в теории государства и права / О. В. Мартышин // Государство и право. – М., 2004. – № 10. – С. 3–7.
20. Монтень, М. Опыты / М. Монтень. – М. : Альфа-Книга, 2009. – 1150 с.
21. Мордовцев, А. Ю. Российский правовой менталитет / А. Ю. Мордовцев, В. В. Попов. – Ростов н/Д : Изд-во Юж. федер. ун-та, 2007. – 446 с.
22. Сенякин, И. Н. Федерализм как принцип российского законодательства / И. Н. Сенякин. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2007. – 502 с.
23. Смирнова, М. Г. Социальные притязания в праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / М. Г. Смирнова. – СПб., 2011. – 38 с.
24. Смоленцев, А. В. Правовое чувство: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Смоленцев Алексей Васильевич. – Н. Новгород, 1999. – 28 с.
25. Титаренко, А. И. Структуры нравственного сознания : Опыт этико-философского исследования / А. И. Титаренко. – М. : Мысль, 1974. – 278 с.
26. Цибулевская, О. И. Принципы права: нравственное изменение / О. И. Цибулевская // Принципы российского права: общетеоретический и отраслевой аспекты. – Саратов : Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2010. – 702 с.

UNDERSTANDING OF THE MECHANISM OF LEGAL JUSTICE

N.N. Voplenko

The article is devoted to the main elements, defining the formation of the legal justice. Special attention is paid to the evaluation, the management and regulatory means of ensuring justice in the legal action.

Key words: *justice, evaluation, legitimacy, moral, legitimacy.*